

A 2577.

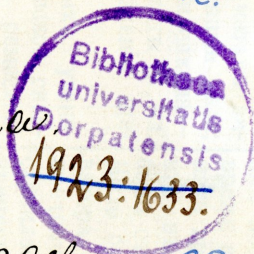
Юрьевский университет.

[Извлечение документа о сраховке по
содержанию „Отвѣта бывшаго ректора
Вертецкого университета ректору
Юрьевского университета.]

Ext.

Составилъ

А. С. Будиловичъ

[Рисский Вѣстникъ за 1897 годъ, 3901
№№ 90, 91, 92, 93, 94, 95, 22, 24, 25,
26, 28 и 29 IV 97.]

Тира.

Редакторъ Л. Н. Румбевскій

Издатель У. А. Шустовъ

Типо-литографія А. Т. Микелсона въ Тарту, у г-на Боло-
нина и Шаври. Франковаго шоссе, домъ Микелсона.

1897.

Юрьевскій университетъ.

(Нѣсколько документальныхъ справокъ по со-
держанію „Отвѣта бывшаго ректора дерпт-
скаго университета ректору юрьевского уни-
верситета“).

Статья профессора Г. А. фонъ Эттингера о юрьевскомъ университетѣ, напечатанная въ № 71 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ подъ вышеуказаннымъ, нѣсколько претенціознымъ заглавіемъ, по поводу моей „Исторической записки о бюджетныхъ отношеніяхъ юрьевского университета“ (въ журн. М-ва Н. Прос. за сентябрь 1895 г.), доставляетъ мнѣ пріятный случай побесѣдовать не только съ авторомъ статьи, но и съ русскими читателями вообще о нѣкоторыхъ затронутыхъ въ ней моментахъ исторіи юрьевского университета за послѣднія десятилѣтія, конечно, не по служебнымъ къ нему отношеніямъ и не pro domo sua, а въ видахъ посильнаго разъясненія одного изъ животрепещущихъ вопросовъ русской публицистики, русской современности.

Переходя съ этою оговоркою къ возраженіямъ, формулированнымъ г. фонъ Эттингеромъ въ его „Отвѣтъ“, я не могу не выразить прежде всего сожалѣнія, что онъ такъ поверхностно ознакомился съ моею „Юридической“ „Искрой“, даже въ тѣхъ

отъ 3 августа и 4 октября 1863 года, а въ болѣе пространной формѣ выражены и въ разоблачомъ „Отвѣтъ“. Спорнымъ представляется лишь вопросъ, соответствуетъ ли подобная дѣятельность на одной изъ русскаихъ окраинъ задачамъ русскаго управления, служебному долгу русскаго почитателя? Не могу понять и того, на чемъ основано утверждение г. фонъ Эттингера, будто „главная задача“ юрьевского университета — „служить посредникомъ въ живомъ обменѣ мыслей и знаній между Россіей и западной Европой“ и будто „историческое назначеніе“ этого университета непримѣнно требовало сохраненія въ немъ „дѣлопроизводства на нѣмецкомъ языкѣ“ и выписки заморскихъ профессоровъ, главнѣйше изъ „ученаго состава германскихъ университетовъ“?

Еслибы дѣйствительно такова была „главная задача“ этого университета, то это не премѣнно нашло бы себѣ выраженіе въ одномъ изъ относящихся къ нему правилъ этого нигдѣ не находясь. Между тѣмъ, мы учредительной грамотѣ, пожалованной юрьевскому университету Императоромъ Александромъ I 12 декабря 1802 года, знаемъ, что университетъ этотъ имѣетъ „преимущественной дѣлюю распространеніе человѣческихъ познаній въ нашемъ“

Записка „Nord. Tz.“ отъ 21-го октября, какъ въпрямую о юрьевскомъ университетѣ (№ 93, 25, 1797).
Auf die vom den 57. Febr. Wed.“ jüngst gedachte, Antwort eines ehemaligen Rektors der Universität Dorpat an dem Rektor der Universität Jürgeff“ erscheint jetzt eine Entgegnung zu Letzteren. Nachdem s. Z. die betreffende Art. in der jene Antwort zur Folge hatte, im Journal des Ministeriums der Volksaufst.

ея частяхъ, которыя, повидимому, особенно его интересовали. При нѣскольکو богѣе внимательномъ отношеніи къ "Замѣткѣ" ему не пришлось бы, напримѣръ, "протестовать" противъ моего "толкованія образа дѣйствій" бывшихъ попочителей зѣбшаго учебнаго округа гг. Брадке, гр. Кейзерлинга и Сабурова. О послѣднемъ въ моей "Замѣткѣ" вовсе даже не упоминается. Что же касается гг. Брадке и Кейзерлинга, то въ "Замѣткѣ" относительно ихъ выражено совершенно то же, что и въ "Отвѣтѣ", а именно, что оба они заняты въ 1857—1865 гг. оппозиціонное отношеніе къ правительственному проекту распространения на юрьевскій университетъ общаго устава и штата русскихъ университетовъ, руководясь при этомъ желаніемъ приблизить его еще тѣснѣе къ университетамъ германскимъ, вмѣсто сближенія съ русскими. Не оспаривая я въ "Замѣткѣ" и того, что совѣтъ юрьевского университета, отклонивъ предложеніе министра на роднаго просвѣщенія отъ 5 іюля 1863 г. "воспользоваться выгодами штата пяти русскихъ университетовъ" (Высочайше утвержденнаго 18 іюня 1863 г.), руководствовался при этомъ тѣми-же нѣмецко-патріотическими дѣльями, которыя были такъ ясно формулированы гр. Кейзерлингомъ въ цитованныхъ мною предложеніяхъ совѣту

государствѣ и купно образованіе юношества на службу отечества". Потому-то въ первоначальныхъ предположеніяхъ объ этомъ университетѣ его "Державныхъ основателей" Павла I и Александра I имѣлось въ виду замѣщать въ немъ кадстры не заграничными учеными, а исключительно—русскими подданными. Хотя отъ этой нормы допущено было по нуждѣ отступленіе въ уставахъ 1803 и 1820 гг., тѣмъ же мѣнѣе и впоследствии не разъ съ высоты престола было выражаемо желаніе возможнаго ограниченія вызова сюда заграничныхъ профессоровъ. Такъ, напримѣръ, Императоръ Николай I 14 августа 1851 г. выразилъ увѣренность, что "Дерптскій университетъ можетъ обойтись безъ выписки профессоровъ изъ чужихъ краевъ, имѣя, конечно, въ числѣ своихъ воспитанниковъ достойныхъ кандидатовъ на ученія кафедръ". Ссылку на эти именно слова Императора Николая I я нашелъ и въ одномъ представленіи богословскаго документа (отъ 9 мая 1856 г.), въ мотивировкѣ ходатайства о назначеніи А. А. фонъ Этингена экстраординарнымъ профессоромъ на мѣсто Геодосія Гарнака. Что же касается употребленія въ юрьевскомъ университетѣ нѣмецкаго языка, то оно было основано не на какихъ-либо "правагахъ" (въ уставахъ 1803, 1820, 1865 гг. ни слова

какая дѣятельность сдѣланъ была, erscheint die gegenwärtige, "J. D. Di. Corwitsh" unterzeichnete Entgegnung, die nicht "Fortsetzung" folgt", schliesst, im "Rischski Westnik", im Juli 1867.

33. О преподаваніи и объ организаціи старшаго курса "Nordlin. Ztg." не одобряется и не одобряется словомъ.

объ этомъ не сказано), а на застарѣломъ
обычаѣ, который издавна, но съ малымъ
успѣхомъ, старались ограничить чуть ли
не все наши министры народнаго просвѣ-
щенія, конечно, по волѣ и указаніямъ сво-
ихъ государей. Такъ уже въ 1804 г. (25
мая) было опредѣлено при выдачѣ дипло-
мовъ, особенно юристамъ и врачамъ, обра-
щать вниманіе на знаніе студентами рус-
скаго языка; 8 мая 1812 г. министръ на-
роднаго просвѣщенія Разумовскій предпи-
салъ совѣту въ представленіяхъ ему пра-
вильнѣ писать по-русски или прилагать
русскіе переводы; 8 ноября 1824 г. Высочайше
повелѣно усилить въ университетѣ
знанія въ русскомъ языкѣ; 31 мая 1827 г.
на студентовъ богословскаго факультета
возложено было сдавать испытаніе и по
русскому языку; въ 1829 г. возведеніе въ
ученыя степені (за изытѣемъ своекошт-
ныхъ богослововъ) обусловлено сдачей ис-
пытанія въ русскомъ языкѣ; 16 декабря
1836 г. Высочайше повелѣно не выдавать
дипломовъ студентамъ, не владѣющимъ
достаточно русскимъ языкомъ, а съ 1841
г. безъ знанія послѣдняго не приниматьъ
въ студенты (потомъ этотъ указъ былъ
отсроченъ до 16 декабря 1854 г.); въ
1842 г. предписано читать на русскомъ
языкѣ лекціи по исторіи русскаго права;
въ 1844 г.—тоже по нѣкоторымъ отдѣламъ

нѣмеціе ли профессора юрьевскаго уни-
верситета—бывшіе и настоящіе, или рус-
скіе Государя, создавшіе этотъ универси-
тетъ, опредѣлившіе его задачи и цѣли и
снабжающіе его средствами для ихъ осу-
ществленія? Особенно неудобно отстаивать
точку зрѣнія членовъ совѣта 1869—1870
гг. по указанному вопросу теперь, когда
Высочайшая воля, выразившаяся въ ука-
захъ 1 іюля 1867 г. и 31 октября 1869 г.,
получила окончательное опредѣленіе и вы-
раженіе въ указѣ Императора Алексан-
дра III отъ 14 сентября 1885 г. объ
употребленіи русскаго языка въ дѣло-
производствѣхъ и перепискѣ присутствен-
ныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній, а
также въ указѣ 10 апрѣля 1887 г. о вве-
деніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ
среднихъ учебныхъ заведеніяхъ здѣшняго
учебнаго округа и въ цѣломъ рядѣ дру-
гихъ правительственныхъ распоряженій,
опредѣлившихъ реформу балтійской окраины
въ области суда, администраціи, финансовъ,
а наконецъ и народнаго образованія —
низшаго, средняго и высшаго. Послѣ
всѣхъ этихъ событій, совершенныхъ волею
Русскихъ Государей, какую цѣль могутъ
имѣть подобныя газетныя статьи, награ-
вленныя противъ самыхъ основаній этой
реформы, со ссылкой на гг. Братке-
Кейзерлингъ, Сабурова и на то представя-

не о „Государственной пользе“, какое имбли или могли имбть эти „высокоцитиме государственные дбители“, кунно съ нб-мецкими профессорами юрьевского университета?

Но ратуа за старй „дерптскй“ университетъ, за „самостоятельность его положеня“, „единство“ организаціи, достоинства его „внутренняго распорядка“ или „строя“, который могъ бы пострадать въ случаѣ примбненя къ этому университету „общаго устава и штатовъ“ 1863 г., г. ф. Эттингенъ ссылается, сверхъ требований „государственной пользы“, понимаемой столь своеобразно, еще на научные интересы университета, которые якобы не располагали въ пользу примбненя къ нему въ 1863 г. не только устава, но и штатовъ прочихъ русскихъ университетовъ. Въ частности онъ указываетъ на то, что, по уставу и штатамъ 1863 г., лишь двѣ трети каедръ могли быть замбцаемы ординарными профессорами, остальная жетреть — лишь эктраординарными, тогда какъ по юрьевскому уставу 1865 г. по всбмъ каедрама положены профессоры ординарные. Но при этомъ онъ забываетъ, что число ординатуръ юрьевскихъ по уставу 1865 г. (39—40) вовсе не превышало таковаго же въ прочихъ университетахъ съ медицинскими факультетами по уставу

государственнаго врачбенодбннн; 31 октября 1869 г. Высочайше повелбно при-мбнить къ учебнымъ заведеніямъ юрьевского учебнаго округа указъ 1 июня 1867 г. о дблнпроизводствѣ на русскома языкѣ въ прибалтійскихъ коронныхъ учрежденіяхъ и вмбстѣ съ тбмъ подтвержденъ былъ указъ 16 декабря 1836 г. (оставшіяся въ свое время не опубликованнымъ) о назначеніи въ начальники прибалтійскихъ учебныхъ заведеній только лицъ, основательно знающихъ русскій языкъ. По повелду этого Высочайшаго повелбнн въ совѣтѣ университета возникли въ 1869—1870 гг. горячія пренія относительно примбннмости его къ университету и переписка съ попечителемъ Лерве, причемъ выяснилось (особенно постбл повторительнаго Высочайше утвержденнаго разъясненія по сему предмету особой комиссіи отъ 13 мая 1870 г.), что совѣтъ расходится во взглядахъ на роль въ юрьевскомъ университетѣ нбмецкаго языка не только съ ближайшимъ своимъ начальствомъ, но и съ многотратными Высочайшими повелбннми. Г. фонъ-Эттингенъ, повидимому, не замбчаетъ этого разногласія или не придаетъ ему существеннаго значенія, оправдывая образъ дбйствій совѣта въ 1870 г. соображеніями, „государственной пользы“. Но кто же компетентнѣе въ опредбленіи ея:

Юрьевскій университетъ.

(Нѣсколько документальныхъ справокъ по со-
держанію „Отчета бышаго ректора дерпт-
скаго университета ректору юрьевского уни-
верситета“).

(Продолженіе, см. № 20).

Докладъ этотъ былъ далѣе разработанъ особою комиссіею, которая подъ председа-
тельствомъ г. ф. Эттингена выработала по
семи предмету мотивированный отзывъ,
одобренный затѣмъ совѣтомъ (4 октября
1873 г.) и представленный въ министер-
ство для исходатайствованія добавки къ
штатному бюджету университета въ коли-
чествѣ 21,750 руб. Изъ отзыва этого я
позволю себѣ привести нѣсколько наибо-
лѣе характерныхъ выдержекъ: „Черпскій
университетъ въ сравненіи съ другими
университетами Имперіи, имѣющими толь-
ко четыре факультета, находится въ томъ
отношеніи въ выгодномъ положеніи, что
онъ безъ затрудненія можетъ замѣщать
кафедры своихъ пяти факультетовъ спо-
собными преподавателями. Тѣмъ болѣе
чувствителенъ недостатокъ въ денежныхъ
средствахъ: штатъ дерптскаго университе-
та на 50 слишкомъ процентовъ ниже шта-
та прочихъ провинціальныхъ университе-
товъ, не говоря уже объ университетахъ
областныхъ столицъ... Въ медицинскомъ фа-
культетѣ уже въ теченіе послѣднихъ лѣтъ
обнаружилось, что при болѣе и болѣе уси-

1863 г., хотя въ послѣднихъ по тому же
уставу положено было еще по 18 профессуръ
экстраординарныхъ, каковыхъ въ юрьев-
скомъ было не болѣе одной — двухъ. На-
конецъ число доцентовъ въ первыхъ дости-
гаетъ 31, въ послѣднемъ же всего 10.
Вдобавокъ окладъ жалованья по уставу
1863 г. определенъ по 3000 руб. для
профессоровъ ординарныхъ, по 2000 рублей
для экстраординарныхъ и по 1200 для до-
центовъ, тогда какъ по уставу 1865 г. оно
положено по 2400 руб. для первыхъ, по
1700 руб. для вторыхъ и по 900 руб. для
третьихъ. Можно согласиться съ тѣмъ,
что при такомъ обиліи въ здѣшнемъ уни-
верситетѣ ординатуръ по сравненію съ
экстраординатурами менѣе было въ немъ
мѣста „для образованія (при выборахъ)
личныхъ партій и интригъ“. Но спраши-
вается, окупаются ли этими — во всякомъ
случаѣ второстепенными — преимущест-
вами тѣ громадные неудобства для препода-
ванія, которыми были обусловлены крайне
недостаточнымъ числомъ кафедръ по уставу
1865 г. (всего 35 на факультетахъ юриди-
ческомъ, медицинскомъ, историко-филологи-
ческомъ и физико-математическомъ), по
сравненію съ уставомъ 1863 г. (53 на тѣхъ
же факультетахъ).

Можно, конечно, тутъ сослаться на фразу
г. ф. Эттингена: „творческій умъ и любовь

къ наукъ могутъ дать важные результаты и при сравнительно скудныхъ средствахъ, которую онъ противупоставляетъ моему мнѣнью о существованіи вообще прямого, а не обратнаго соотношенія между бюджетомъ университетовъ и постановкой въ нихъ научнаго и учебнаго дѣла. Но не такъ разсуждали объ этомъ тотъ же г. ф. Эттингенъ и его товарищи по университету раньше, когда они стояли ближе къ этому дѣлу, несли часть отвѣтственности за него и писали не для фронды, а въ дѣйствительныхъ интересахъ и науки, и университета. Имѣю въ виду докладъ совѣту, написанный г. ф. Эттингеномъ въ ноябрѣ 1873 г. и начинающійся словами: „Каждый университетъ, пока въ немъ проявляется живая научная дѣятельность и чувствуется потребность участвовать въ постоянномъ прогрессѣ науки, нуждается для исполненія этой задачи въ достаточныхъ преподавательскихъ силахъ, но имѣетъ съ тѣмъ и въ матеріальныхъ научныхъ средствахъ..... Если объемъ этихъ средствъ не соответствуетъ болѣе требованіямъ времени, то изученію этихъ наукъ въ соответствующей степени наносится чувствительный ущербъ“.

А. Будилевичъ.

(Продолженіе будетъ.)

ливающейся дѣятельности директоровъ клиникъ и кабинетовъ по практическимъ занятіямъ и при усложненіи занятій самая безотлагательная потребность настощъ въ усиленіи личнаго состава опредѣленемъ должностей ассистентовъ и въ увеличеніи скудныхъ средствъ по клиническимъ учреждениямъ...

...Въ особенноти каеэдра патологической анатоміи нуждается въ опредѣленіи ассистента. Профессору оной имѣетъ обязанность вмѣстѣ съ тѣмъ и читать особую патологию, для которой въ прочихъ университетахъ существуетъ особая кафеэдра... Тотъ же самый недостатокъ чувствуется и по кафеэдрѣ фармакологіи.... такъ какъ подлежащій профессору считается также представителемъ медицинской химіи, для которой вво всѣхъ университетахъ Имперіи въ одномъ только дерптскомъ университетѣ не имѣется особой кафеэры...

„Весьма желательно, чтобы наравнѣ съ прочими университетами Имперіи была предложена по штату умѣренная сумма на практическія занятія студентовъ медицины по химіи въ химической лабораторіи физико-математическаго факультета и въ фармацевтическомъ институтѣ, такъ какъ эти занятія въ настоящее время осуществляютъ ся только при посредствѣ платы участвующихъ въ нихъ за употребленныя реакенци и тому подобные предметы и посему для недостаточныхъ студентовъ практиче-

ския управленія и занятія или станювятся вовсе невозможными или сопряжены съ затрудненіями.

...Наконецъ, нужно указать на то, что физическая географія и метеорологія, для которыхъ во всѣхъ прочихъ университетахъ Имперіи состоитъ особая штатная каедрa и положена штатная сумма въ 600 руб., не можетъ быть долѣе отнесена къ каедрѣ физики и расходы за метеорологическіе снаряды и пособия не могутъ падать на скудные средства физическаго кабинета“ ...

„Самоу настоятельною потребностью историко-филологическаго факультета оказывается учрежденіе третьей филологической каедры, а именно для древней классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей... Едва ли найдется университетъ, въ которомъ существуетъ не болѣе двухъ филологическихъ каедръ. Къ тому же въ силу устава прочихъ университетовъ Имперіи, кромѣ каедръ для греческой и римской словесности и греческихъ и римскихъ древностей существуетъ еще особая каедра для теоріи и исторіи искусства“

...Въ дерптскомъ университетѣ для всеобщей исторіи состоитъ только одна каедра, къ которой отнесены также историческія вспомогагельныя науки...

...Должно признать, что отдѣльный ученый въ этомъ объемѣ не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ“ ...

свѣщенія отъ 5 іюля 1863 г. воспользо- ваться выгодами штата пяти русскихъ университетовъ (отъ 18 іюня того же года)? То же доказываетъ и возбужденное 7 марта 1875 г. совѣтомъ, по почину профессора А. Шмидта, ходатайство объ усилении штата ежегодною прибавкою въ 44,850 р. для уравненія окладовъ жалованья преподавателей и чиновниковъ юрьевскаго университета съ таковыми въ прочихъ русскихъ университетахъ. Въ препроводительной запискѣ по сему предмету сълалано, между прочимъ, упоминаніе о преемствѣ отъ каедры отъ вышеупомянутаго предложенія министра народнаго просвѣщенія отъ 5 іюля 1863 г. и къ этому прибавлено: „руководившія въ то время совѣтомъ соображенія оказываются нынѣ не соотвѣтствующими обстоятельствамъ“... Представленіе это не имѣло, впрочемъ, успѣха, кажется, по затрудненіямъ государственнаго казначейства. Министерство находило, что „въ настоящее время ходатайство о столѣ значительномъ увеличеніи штатныхъ суммъ университета не могло бы имѣть успѣха.“ Но нѣкоторые отдѣльныя ходатайства совѣта объ учрежденіи недостающихъ каедръ были удовлетворяемы, напримѣръ, въ 1876 г. была учреждена каедра эмбриологіи и гистологіи, въ 1879 г. — каедра нервныхъ и душевныхъ болѣзней, съ клинкою при оной (съ 1884 г.), въ 1881 г. — каедра сравнительной грамматикі славянскихъ нарѣчій и вторая профес-

Предложить совѣту, на основаніи факультетскихъ представлений, ходатайствовать:

объ увеличеніи штатной суммы на освѣщеніе, отопленіе и ремонтъ университетскихъ зданий (9000-ю рублями), объ учрежденіи цѣлаго ряда (6) ассистентскихъ должностей, увеличеніи средствъ нѣкоторыхъ учебнопомогательныхъ учрежденій, особенно на практическія занятія студентовъ, и объ учрежденіи кафедръ: а) физической географіи и метеорологіи, б) древнеклассической филологіи и древностей и всеобщей исторіи (вторая ординатура), комиссія въ своемъ докладѣ совѣту оговорила, что въ этотъ докладъ „не вошло ходатайство о расширеніи средствъ для пополненія преподавательскихъ силъ дерптскаго университета въ видахъ достиженія того объема, который существующими штатами опредѣленъ для другихъ университетовъ Имперіи, такъ какъ она не считаетъ цѣлесообразнымъ представить на разсмотрѣніе такія желанія болѣе широкаго размѣра, не получивъ къ тому повода со стороны высшаго начальства“.

Не представляется-ли этотъ докладъ комиссіи и состоявшеся на основаніи онаго ходатайство совѣта объ отпускѣ, въ дополненіе къ штату, 21,750 руб., обвинительнаго приговора противъ университетскихъ дѣятелей 1863 г., которые отклонили предложеніе министра народнаго про-

кура всеобщей исторіи (послѣдніи на спеціальныя средства). Въ 1891 г. было еще разъ возбуждено ходатайство объ уравненіи окладовъ содержанія преподавателей юрьевскаго университета съ окладами прочихъ русскихъ университетовъ, для чего была испрашиваемая сумма въ 49,500 руб. Но это осталось безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, прошло цѣлое поколѣніе подѣ дѣйствіемъ въ университетѣ устава и штата 1865 года, признаннаго недоданнымъ всѣми компетентными инстанціями чуть не съ первыхъ дней его появленія.

Въ защиту его что-то не слышно было голосовъ, такъ что г. фонъ Эгтингенъ является чуть ли не первымъ адвокатомъ этого жалкаго прокурга нѣмецко-университетской политики 60-хъ годовъ. Но если это такъ, если этотъ уставъ и штатъ лишишь „дерптскій“ университетъ цѣлаго ряда необходимыхъ кафедръ, институтовъ, средствъ для научной работы, и преподавателей, и ассистентовъ и студентовъ, словомъ—какъ это официально заявилъ совѣту профессоръ А. Шмидтъ въ своей докладной запискѣ отъ 25 ноября 1874 г.,—низвелъ „дерптскій“ университетъ въ положеніе какого-то „второкласснаго“ университета, то не имѣлъ ли я право сказать, что именно онъ обусловилъ „нѣкоторое ослабленіе научнаго значенія юрьевскаго университета въ средѣ прочихъ, и русскихъ, и нѣмецкихъ университетовъ“, вы-

разившеся во многихъ, отчасти указавших мною явленіяхъ.

Изъ явленій этихъ г. фонъ Эттингенъ останавливается лишь на одномъ, именно на замѣчаемомъ съ того времени выселеніи въ Германію цѣлаго ряда крупныхъ научныхъ силъ, причемъ онъ пытается ослабить значеніе этого факта, считая его естественнымъ „обмѣномъ научныхъ силъ“ и „однимъ изъ доказательствъ цвѣтущаго состоянія дерптскаго университета“ этой эпохи. Я, съ своей стороны, не могу не предпочесть другого объясненія, а именно того, которое было формулировано въ докладѣ особой совѣтской комиссіи отъ 17 февраля 1875 г., подписанномъ и г. фонъ Эттингеномъ, какъ председателемъ оной, гдѣ сказано между прочимъ:

„Дерптскій университетъ уже не разъ въ послѣднее время имѣлъ случай испытывать влияние такой разности матеріальныхъ условій не только въ отказѣ на дѣлаемыя приглашенія, но и въ томъ обстоятельстве, что пріѣхавшіе сюда преподаватели охотно вновь возвращаются за границу, гдѣ видятъ себя поставленными лучше. Даже и воспитанники здѣшняго университета уже въ значительномъ числѣ предпочли, все изъ-за тѣхъ же причинъ, положеніе въ заграничныхъ университетахъ дѣятельности въ родномъ“. Съ мнѣніемъ этимъ согласился тогда и совѣтъ, такъ что въ настоящее время вредъ-ли кому удастся поколебать такое именно объ-

явленіе, не написавъ, не напечатать, не приобрести нѣкоторой извѣстности, особенно въ мѣстной средѣ, у ближайшихъ соплеменниковъ и друзей. То же слѣдуетъ сказать и о воспитанникахъ любого университета, если взять 30-лѣтній періодъ его жизни. Не можетъ же въ числѣ 4—5,000 этихъ воспитанниковъ не оказаться со временемъ нѣкотораго числа ученыхъ, профессоровъ, путешественниковъ!

Что же касается ссылки на особое обиліе штатскихъ генераловъ, вышедшихъ изъ числа бывшихъ воспитанниковъ „дерптскаго“ университета за 90 лѣтъ его существованія, то я полагаю, что училище правослѣдья, Александровскій лицей, пажескій корпусъ быть можетъ и превзойдутъ въ этомъ отношеніи „дерптскій“ университетъ, если имъ удастся привести такой же подсчетъ своихъ сановитыхъ питомцевъ, какой сдѣланъ по отношенію къ „дерптскому“ университету г. Гассельблатомъ въ цитуемыхъ г. ф. Эттингеномъ изданіяхъ.

Кому, впрочемъ, не извѣстно, что въ Россіи со временъ Петра Великаго имѣются и особая причины несообразно большаго числа нѣмецкихъ „генераловъ“, вслѣдствіе чего и до открытія „дерптскаго“ университета они наполнили ряды русской армии и русской бюрократіи, особенно во времена Бирюзовщины! Аналогичнымъ образомъ слѣдуетъ объяснить и фактъ поглотораваго господства нѣмцевъ въ нашей академіи наукъ, которое началось задолго

ясение того ехodus, о которомъ упомянуто было и въ моей „Исторической замѣткѣ“.

Не имѣя этого въ виду, трудно бы объяснить и крайнюю кратковременность службы въ здѣшнемъ университетѣ этого періода многихъ заграничныхъ ученыхъ, которая нерѣдко не достигала и одного пятилѣтня. (Такъ, напримеръ, по одному году служили здѣсь профессора: О. Schulzen 1871—72, W. Weiss 1878—79, С. Bücher 1882—83, А. Weil 1886—87, Fr. Schulze 1887—88; по 2 года: В. Naunum 1869—71, С. Hehn 1873—75, Fr. Rühl 1874—76, W. Lexis 1874—76, G. Meyer 1882—84, О. Staude 1886—88, Н. Schott 1885—87; по 3 года: Ад. Wagner 1865—68, О. Schmiedeberg 1869—72, А. Lindstedt 1883—86, М. Braun 1883—86, Ulverricht 1889—92; по 4 года: Е. Lespeyres 1869—73, Н. Ulman 1870—74, W. Stieda 1877—81). Не сомнѣвъ потому правильно включены эти перелетныя птицы здѣшняго университета въ составленный г. ф. Эттингеномъ списокъ профессоровъ (числомъ 77), должествующій документировать „научно-литературную производительность дерптскаго университета“ въ періодъ времени отъ 1860 по 1890 г. Кроме того не слѣдуетъ забывать, что 30 лѣтъ въ жизни университета составляютъ уже періодъ, который не можетъ не отразиться въ летописяхъ науки сохраненіемъ нѣсколькихъ дюжины литературныхъ именъ, ибо нѣтъ профессора, который бы чего

до учрежденія здѣшняго университета, а завершилось лишь въ самое недавнее время, притомъ совершенно независимо отъ научной роли послѣдняго. Вообще слѣдуетъ сказать (какъ это уже упомянуто и въ моей замѣткѣ), что „дерптскій“ университетъ стоялъ впереди прочихъ русскихъ лишь въ 20—30-хъ годахъ, когда при немъ существовалъ извѣстный профессорскій институтъ. Въ 40-хъ годахъ московскій университетъ уже обогналъ юрьевскій; съ 50-хъ это еще безспорнѣе по отношенію къ университету петербургскому; со времени же изданія уставовъ 1863 года „дерптскій“ университетъ, обдѣленный своимъ штатомъ 1865 года на 130—140 тысячъ руб. въ годъ по сравненію даже съ провинціальными нашими университетами, конечно, не могъ не отстать и отъ послѣднихъ въ полнотѣ преподаванія, обстановкѣ учебно-вспомогательныхъ учреждений и вообще въ постановкѣ учебного дѣла, хотя я не думаю отрицать, что и въ этотъ періодъ времени на его каюдрахъ было и есть не мало ученыхъ достойныхъ, даже выдающихся, какъ это отмѣчено и въ моей „Исторической замѣткѣ“ (стр. 22).

А. Будилевичъ.

(Продолженіе будетъ.)

Юрьевскій университетъ.

(Ньколко документальныхъ справокъ по со-
держанію „Отвѣта бывшаго ректора дерпт-
скаго университета ректору юрьевскаго уни-
верситета“).

(Продолженіе, см. № 91).

Самымъ неопровержимымъ доказатель-
ствомъ нѣкотораго разстройства въ универ-
ситетѣ учебнаго дѣла въ послѣднія десятилѣ-
тія является отвѣтъ медицинскаго факультета
отъ 21 декабря 1891 г. на запросъ мнѣ-
стерства относительно примѣненія къ нему
положенія объ испытаніяхъ въ государствен-
ной медицинской комиссiи. Въ отвѣтъ этомъ
факультетъ, сославшись на то, что юрьев-
скіе медицинскіе институты не обставлены
столь удовлетворительно, какъ въ прочихъ
университетахъ Имперіи; что юрьевскія
клиники не имѣютъ достаточнаго числа
больныхъ, другія вовсе отсутствуютъ (напр.,
по дѣтскимъ болѣзнямъ, наложнымъ и си-
филитическимъ болѣзнямъ); что патолого-
анатомическій и судебно-медицинскій инсти-
туты страдаютъ отъ недостатка труповъ;
что преподаваніе гигиены поставлено въ
дерптскомъ университетѣ очень неудовле-
творительно, — ходатайствовалъ, чтобы
впредь до устраненія этихъ недостатковъ

международному праву, энциклопедіи и фи-
лософii права, по церковному, финансовому
и торговому правамъ, причемъ еще нѣко-
торыя старія каяедры получили другое
назначеніе, именно вторая каяедра острѣй-
скаго права переименована въ каяедру
гражданскаго права, а прежняя каяедра
русскаго права (куда входили прежде все
его отдѣлы) — въ каяедру исторіи русскаго
права. На физико-математическомъ фа-
культетѣ пришлось добавить, при введеніи
новыхъ шановъ и программъ, вторую про-
фессуру чистой математики и вторую про-
фессуру по каяедрѣ минералогіи (для пре-
подаванія геологii и палеонтологii). По-
добнымъ образомъ на медицинскомъ фа-
культетѣ были добавлены особыя профес-
суры: во 1-хъ для гигиены и во 2-хъ для
оперативной и теоретической хирургii.
Сверхъ того при институтѣхъ физико-ма-
тематическаго и медицинскаго факульте-
товъ въ теченіе 1893—96 гг. учреждено 14
новыхъ ассистентскихъ должностей, на содер-
жаніе по которымъ расходуется нынѣ 6,272 р. въ
годъ изъ остатка штатныхъ или изъ специалъ-
ныхъ средствъ университета. Однако и те-
перь, за всеми этими добавками, произве-
денными отчасти на дополнителный кре-
дитъ въ 31,470 руб., отпускаемый на лич-
ный составъ съ 1 января 1895 г., отчасти

въ постановкѣ кабинетовъ и клиникъ на медицинскихъ испытаніяхъ въ дерптскомъ университетѣ имѣли перевѣсъ теоретическія познанія. А между тѣмъ слава „дерптскаго“ университета въ Россіи основывалась главнымъ образомъ именно на медицинскомъ факультетѣ, который, какъ указываетъ г. Ф. Эттингенъ, произвелъ 2,259 врачей, изъ коихъ значительная часть сразу получили ученую степень доктора, минуя званіе врача. Г. Ф. Эттингенъ считаетъ это совершенно нормальнымъ, но голоеъ всей медицинской Россіи давно и единодушно признавалъ „дерптскую“ фабрикацію докторовъ медицины недавняго прошлаго величайшей аномаліей, особенно за послѣдніи десятилѣтія, при столь неудовлетворительной поставкѣ медицинскаго преподаванія по многимъ основнымъ каедрамъ, по собственному признанію этого факультета!

Имѣются и по другимъ факультетамъ аналогичныя заявленія о затрудненіяхъ при введеніи общеперскаго плана занятий и программъ испытаній, — затрудненіяхъ, обусловленныхъ главнымъ образомъ недостаткомъ многихъ кафедръ и, следовательно, неполнотою преподаванія. Такъ, на юридическомъ факультетѣ при самомъ началѣ реформы въ 1889 г. оказалось необходимо почти удвоить число кафедръ, именно учредить таковыя по полицейскому праву,

же на спеціальныя средства университета, на каждомъ шагѣ обнаруживаются недочеты въ составѣ кафедръ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, для устранения которыхъ именно теперь образована совѣтомъ особая коммиссія, въ виду крайнихъ затрудненій въ выполненіи при наличныхъ средствахъ тѣхъ учебныхъ плановъ, которые установлены для прочихъ русскихъ университетовъ, по уставу 1884 года, но признаны въ послѣдніе годы и къ юрьевскому.

Независимо отъ указанныхъ недостатковъ въ составѣ кафедръ и институтовъ я могу бы привести много и другихъ документальныхъ доказательствъ изъ котораго разстроидьла за послѣдніи десятилѣтія учебнаго формой. Я могу бы, напр, доказать официальными документами, что многие русскіе профессора, назначенные по выходѣ въ отставку нѣмецкихъ съ 1892 г., особенно по факультетамъ физико-математическому и медицинскому, приняди соотвѣтственные институты въ самомъ платчевомъ состояніи, такъ что по вступленіи въ должность имъ пришлось употребить массу времени, трудовъ, усилій, а правленію—ремонтныхъ и иныхъ средствъ для постепеннаго подьема этихъ институтовъ изъ прежнаго запустѣнія и развалины. Въ частно-

сти это могло бы быть доказано относительно: астрономической обсерватории, ботаническаго сада, институтъвъ физиологическаго, фармацевтическаго, судебно-медицинскаго, гигиеническаго и нѣкоторыхъ клиникъ. Но для краткости я ограничусь здѣсь двумя-тремя выносками, откладывавшая до другого случая изданіе этого рода документовъ.

...„Юрьевская астрономическая обсерваторія, читаемъ мы въ отзывѣ перваго русскаго директора оной отъ 15 мая 1895 г., находится нынѣ въ такомъ состояніи, при которомъ не только не возможна научная дѣятельность, сколько-нибудь напоминающая дѣятельность В. Струве, но даже для преподаванія практической астрономіи нѣтъ тѣхъ пособій, какія имѣются теперь на всякой другой русской университетской обсерваторіи... Уже въ теченіе болѣе полугода я посвящаю почти все свое время на приведеніе въ порядокъ и изученіе инструментовъ астрономической обсерваторіи, при чемъ оказалось, что печальное состояніе ихъ превзошло мои опасенія... Большой рефракторъ: объективъ этого нѣкогда наибольшаго и научнаго изъ рефракторовъ былъ разобранъ механикомъ Гербстомъ и мною въ присутствіи извѣстнаго астронома В. К. Дэллена. При этомъ ока-

какъ съ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія“ ...

О состояніи ботаническаго сада при переходѣ его въ завѣдываніе перваго русскаго директора можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ отзыва послѣдняго отъ 29 апрѣля 1896 г. по дѣлу о ремонтѣ этого сада, требующихъ, по смѣтѣ архитектора, единовременной затраты въ 14,895 руб.:

...„Всѣ означенные ремонты безусловно необходимы, ибо всѣ зданія находятся въ самомъ плачевномъ состояніи... Въ палатной оранжереѣ часть крыши совершенно гнилая и угрожаетъ дальнѣйшему существованію всей богатой коллекціи пальмъ и другихъ тропическихъ растений. Въ сараѣ нельзя ничего хранить, ибо крыша и стѣны не защищаютъ содержимое и хранимое отъ атмосферныхъ осадковъ... Ремонтъ покосившейся конюшни нельзя откладывать, такъ какъ этотъ ремонтъ можетъ вызвать законныя требованія со стороны полиціи. Ремонтъ оранжереи Багге нельзя откладывать, такъ какъ откладываніе ведетъ къ дальнѣйшему разрушенію оранжереи и порчѣ всей коллекціи дѣящихъ растений. Сводъ погреба угрожаетъ обрушиться... Ботаническій кабинетъ представляетъ пощещеніе совершенно не удовлетво-

здалось, что объ линзы объектива покрыты большими и несмываемыми пятнами, происшедшими, по объясненію Дэллена, отъ небрежнаго обращенія съ инструментомъ за послѣдніе 50 лѣтъ. Всѣ остальные части рефрактора и его штатива такъ установили, что требуютъ полной передѣлки. Меридианный кругъ оказался также во всѣхъ отношеніяхъ крайне устарѣвшимъ. Кромѣ того дѣленія круга въ 14 мѣстахъ оказались совершенно испорченными отъ неосторожнаго обращенія. Переносныя пластяныя инструменты Гербста въ существенной своей части—окулярномъ микрометрѣ—оказались настолько испорченными, что Гербстъ считаетъ полную замѣну этой части новою—вполнѣ необходимою. Геліометръ оказался крайне запущеннымъ и кромѣ того устроенная для него башня совершенно негодною... Мелкіе инструменты, пріобрѣтенные В. Струве, всѣ настолько устарѣли, что почти вовсе не могутъ быть употребляемы...

Библиотека обсерваторіи за послѣдніе 30—40 лѣтъ наполнилась весьма неудовлетворительно. За вычетомъ изданій, пріобрѣтенныхъ въ даръ для библиотеки обсерваторіи, послѣдняя до конца прошлаго года почти вовсе не имѣла важнѣйшихъ сочиненій по астрономіи, вышедшихъ на русскомъ, французскомъ и англійскомъ язы-

ряющее самымъ скромнымъ требованіемъ современной науки и университетскому ея преподаванію. Представляя одну—единственную комнату, передѣланную изъ оранжереи, съ столпениемъ, расположеннымъ подъ поломъ, съ одной стѣной, совершенно сырой, съ которой по временамъ вода льетъ ручьями, онъ вмѣщаетъ въ себѣ не болѣе 16 практикантовъ заразъ, при полномъ отсутствіи помѣщенія для спеціальныхъ научныхъ работъ профессора, ассистентовъ его и спеціалистовъ... Вести опыты по физиологіи растений или исторіи развитія и думать нельзя, такъ какъ топка кабинета приспособлена для оранжереи, а огню не для отопленія ученаго института, предназначеннаго для изученія физиологіи, анатоміи, морфологіи и исторіи развитія высшихъ и низшихъ растений... Въ довершеніе всего въ кабинетѣ не имѣется ровно никакого освѣщенія... Вести усильно преподаване ботаники при такомъ положеніи дѣла является совершенно немыслимымъ; преподаваніе это можетъ стоять лишь на уровнѣ требованій программы средняго, а не высшаго учебнаго заведенія, не университета..."

О положеніи физиологическаго института при переходѣ его въ завѣдываніе нынѣшняго русскаго директора можно судить по слѣдующимъ выпискамъ изъ отрыва по-

Юрьевскій университетъ.

(Нѣсколько документальныхъ справокъ по со-
держанію „Отвѣта бывшаго ректора дерпт-
скаго университета ректору юрьевского уни-
верситета“).

(Продолженіе, см. № 92).

Даже фармацевтическій институтъ, считав-
шійся съ 40-хъ годовъ чуть ли не пер-
вымъ въ Россіи и выпустившій цѣлыя сот-
ни диссертаций на магистра фармации, ока-
зался далеко не въ блестящемъ состояніи
при переходѣ его въ завѣдываніе первого
русскаго директора. Въ этомъ можно убѣ-
диться изъ слѣдующихъ выдержекъ изъ
доклада послѣдняго (мартъ 1894 г.).

„Состояніе принятаго мною фармацевтиче-
скаго института противъ моихъ ожиданій
совершенно не соответствуетъ тѣмъ науч-
нымъ требованіямъ, которыми предъявляют-
ся мало-мальски устроеннымъ лаборато-
риямъ.“

„Во-первыхъ, лабораторія этого учреж-
денія до сего времени не имѣетъ водопро-
вода и снабжается вполчей и загрязненной
водой изъ резервуара, помѣщающагося въ
аудитории. При такомъ устройствѣ водо-
снабжения невозможно производить какин-
либо работы, требующія для своего веденія
большого водяного давления или разряжен-
наго пространства.“

„Второй важный недостатокъ, найденный
мною въ фармацевтическомъ институтѣ, со-
стоитъ въ томъ, что въ немъ совершенно

слѣднато отъ 30 ноября 1896 г.: „Ознако-
мившись ближе съ инвентаремъ физиологиче-
скаго института, я нашелъ совершенно недо-
статочными для цѣлей рациональнаго пре-
подаванія и для веденія научныхъ работъ
тѣ инструменты и аппараты, какіе имѣют-
ся въ немъ въ настоящее время, а равно
и принадлежащую институту библіотеку...
Въ программахъ испытанія на степень дѣ-
каря, утвержденныхъ г. министромъ на-
роднаго просвѣщенія для юрьевскаго уни-
верситета въ 1893 г., говорится, что, кро-
мѣ отвѣта на данные вопросы, отъ испы-
туемаго требуется разъясненіе устройства
и употребленія предъявленныхъ ему наи-
болѣе употребительныхъ приборомъ. Изъ
всѣхъ здѣсь перечисленныхъ „наиболѣе
употребительныхъ“ приборомъ я нашелъ
только четыре, остальные же... отсутство-
вали: такъ дѣтъ ни одного счетчика кро-
вяныхъ тѣлецъ, ни пружиннаго кимографа
Физка, ни кардиографа, ни сфигмографа Ме-
рея, никакихъ индукціонныхъ аппаратовъ,
ни одной багетей для постояннаго тока, ни
одного реостата, никакого эстезиографа.
Очевидно, что до настоящаго времени про-
грамма министерства фактически не могла
быть исполнена. Отсутствіе всѣхъ почти
электрическихъ приборомъ указываетъ на
то, что весь необыкновенно важный отдѣлъ
мышечной и нервной физиологии до сихъ

поръ излагался совершенно безъ демонстрацій... Такъ какъ перечисленные въ программѣ приборы суть „наиболѣе употребительные“ и абсолютно необходимые, то по отсутствию даже этихъ приборовъ можно судить объ остаточномъ. И дѣйстви-тельно, инструментарій представляетъ жалкое собраніе устарѣлыхъ приборовъ, только загромождающихъ собою и безъ того весьма тѣсное помѣщеніе института. Но этого мало: трудно повѣрить, чтобы въ университетской физиологической лабораторіи не оказалось мѣха для искусственного ды-ханія, ни одной трахеальной ванночки для трахеотоміи, всего два зажимныхъ пинцета для артерій. Очевидно, что при подоб-ныхъ условіяхъ невозможно было произве-сти ни одной вивисекціи...

И въ нѣсколькихъ микроскоповъ ни при одномъ не имѣется даже иммерзіонной си-стемы, поляризаціоннаго приспособленія къ микроскопу; не имѣется ни одного микро-тома.

Что касается книгъ и журналовъ, то здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на пол-ное отсутствіе русской литературы; совер-шенно игнорирована также литература фран-цузская и англійская.

А. Будимовичъ

(Продолженіе булетъ.)

Риски. Времен. № 92, 25 IV 97.

нѣтъ порядочныхъ тягъ, спосособныхъ под-держивать необходимый обмѣнъ воздуха при занятіяхъ химико-фармацевтическихъ, а въ аудиторіи института совершенно нѣтъ ни одной. Въ виду этого послѣдняго об-стоятельства становится немислимымъ про-изводить — поэтому, вѣроятно, прежде совер-шенно и не производились — какіе либо опы-ты съ вреднодѣйствующими веществами. А такъ какъ по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ веществъ, съ которыми приходится имѣть дѣло при правильномъ преподаваніи фармацевтиче-ской химіи, обладаетъ такими свойствами, то волей-неволей при настоящемъ устрой-ствѣ аудиторіи приходится отказываться отъ опытовъ съ ними...

„Если прибавить къ вышеизложенному, что въ институтѣ, къ моему удивленію, не оказалось самыхъ необходимыхъ книгъ, напр. фармакопей, атласовъ и рисунковъ для преподаванія фармакогнозіи, порядоч-наго паяльнаго стола, сколько нибудь удо-влетворительной стеклянной посуды, чистыхъ химическихъ и фармацевтическихъ препа-ратовъ, порядочныхъ термометровъ, водян-ныхъ и воздушныхъ банъ и массы другихъ самыхъ необходимыхъ лабораторныхъ при-надлежностей, то вотъ та обстановка, при которой функционировала по настоящее время лабораторія фармацевтического институ-та и при которой происходило въ институ-тѣ преподаваніе фармаціи...“

„Для дополненія вышесказаннаго не мо-гу не указать, что коллекція препаратовъ, принятыхъ мною и хранящихся у меня по

лекціямъ никакого уже правительнаго пред- ставленія ни о физическихъ, ни о химиче- скихъ свойствахъ этого класса веществъ получить нельзя, а тѣмъ менѣе можно про- изводить съ ними какия-либо химическія реакціи. Этого класса веществъ, отличаю- щійся крайней измѣнчивостію при обыкно- венныхъ атмосферныхъ условіяхъ, долженъ быть или постоянно возобновляться и счи- щаться, или же сохраняться внѣ доступа воздуха. А такъ какъ ни того, ни друго- го не дѣлалось цѣлыя десятилѣтія, то при- няты мною колленціи эфирныхъ маселъ ни- куда не годятся, такъ какъ давно уже пре- вратились въ дальнѣйшіе продукты превра- щенія эфирныхъ маселъ въ смолы...

Въ выдержкахъ этихъ заключается, по- лагаю, критерій и для оцѣнки нѣкоторыхъ изъ тѣхъ „выдающихся авторовъ“, быв- шихъ преподавателей этого университета отъ 1860 по 1890 гг., которые перечислены г. ф. Эттингеномъ.

Теперь я становлюсь нѣсколько на тѣхъ — относительныхъ немнорихъ, но очень рѣ- шительныхъ — строкахъ, какія г. ф. Эттин- генъ посвящаетъ собственно „юрьевскому“ университету, въ условномъ отличіи его отъ прежняго, „дерптскаго“. При этомъ я считаю необходимымъ прежде всего на- помнить, что преобразование юрьевскаго, какъ и всѣхъ прочихъ русскихъ универси- тетовъ, всегда совершалось по волѣ рус- скихъ Государей и указаніямъ высшего правительства, а не по усмотрѣнію универ- ситетскихъ ректоровъ, вслѣдствіе чего на

можно было дѣлать вѣрныя или хотя бы только вѣроятныя заключенія о будущемъ, какъ это позволяетъ себѣ г. ф. Эттингенъ по отношенію къ университету „юрьевскому“, который между тѣмъ не вышелъ еще изъ мукъ рожденія.

Послѣ этихъ оговорокъ попытаюсь извѣ- сить тѣ данныя и соображенія, на кото- рыхъ г. фонъ Эттингенъ основываетъ свой — по меньшей мѣрѣ послѣдній — выводъ „о непрягоглядномъ настоящемъ и мрачномъ будущемъ юрьевскаго университета“. „Не- прягоглядность“ эта выражается, по его мнѣ- нію, главнымъ образомъ: въ неудовлетво- рительномъ подборѣ новоназначенныхъ про- фессоровъ; въ постепенной убыли числа студентовъ; въ пониженіи уровня ихъ на- учныхъ занятій и испытаній и, наконецъ, въ ослабленіи студенческихъ корпорацій. Не трудно доказать, что всѣ эти послыжи, на которыхъ построены выводъ, основаны или на явныхъ ошибкахъ, или на круп- ныхъ недоразумѣніяхъ и пристрастіи. Г. фонъ Эттингенъ утверждаетъ, напримѣръ, что „новое управленіе университета при замѣщеніи кафедръ и доцентуръ (какъ буд- то оно производилось нынѣ „управленіемъ университета“, а не округа и министер- ства!) руководствовалось какими-то другими правилами, чѣмъ тѣ, какія определены за- кономъ относительно назначенія профессо- ровъ обыкновенныхъ изъ докторовъ соответ- ственной науки, а экстраординарныхъ и до- центовъ изъ магистровъ.“

Въ четырехъ факультетахъ, распола

последних не может падать ни слава, ни ответственность за ходъ и исходъ подобныхъ преобразованій. Напрасно потому г. ф. Эттингенъ употребляетъ такіа выраженія, какъ: „общее измѣненіе строя студенческой жизни, къ которому стремится г. ректоръ юрьевского университета и котораго онъ частью достигъ, касается какъ характера учебныхъ занятій, такъ и воспитательнаго влияния университета“, изъ которыхъ можно, пожалуй, вывести, будто „общее измѣненіе строя“ здѣшней университетской жизни совершается здѣсь по желанію ректора, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что реформа юрьевского университета является органическимъ звеномъ въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій Императора Александра III, вызванныхъ сенаторскою ревізіей 1883 г. и направленныхъ къ духовному сближенію этой окраины съ средними областями Имперіи.

Во 2-хъ, необходимо отмѣтить, что реформа эта, начатая въ 1889 г. по отношенію къ юридическому факультету, а съ начала 90-хъ годовъ — по отношенію къ прочимъ факультетамъ, далеко еще не закончилась, почему университетъ этотъ, донынѣ управляющийся не общими уставамъ русскихъ университетовъ 1884 г., а нѣскольکو видоизмѣненнымъ „дерптскимъ“ уставомъ 1865 г., — долженъ бы собственно называться, въ духѣ терминологіи г. ф. Эттингена, не юрьевскимъ, а дерптско-юрьевскимъ, впродѣ до замѣны его старымъ уставомъ новымъ.

Въ 3-хъ, въ жизни такихъ многолѣтнихъ организмовъ, какъ университеты, въкъ которыхъ измѣряется не годами, даже не десятилѣтіями, а столѣтіями, опытъ какихънибудь 6—7 л. составляетъ слишкомъ короткій періодъ времени, чтобы по немъ

онъ, за исключеніемъ (почему?) медицинскаго, изъ 35 новоназначенныхъ профессоровъ было 19, имѣющихъ лишь степень кандидата, 10 магистровъ и только 6 докторовъ“. Между тѣмъ, при поименной проверкѣ этого утвержденія можно убедиться, что изъ назначенныхъ правительствомъ со времени изданія указа 20 ноября 1889 г., безъ участія совѣта, профессоромъ состояли въ день назначенія на катедры: докторами соотвѣт. наукъ 9 л.¹⁾, а не 6; магистрами ” 20 л.²⁾, а не 10; магистрантами ” 11 л.³⁾, а не 19. Изъ состоящихъ же нынѣ въ юрьевскомъ университетѣ профессоровъ (со включеніемъ медицинскаго факультета), назначенныхъ помимо совѣта, числится: 19 докторовъ⁴⁾, 19 магистровъ⁵⁾ и 5 магистрантовъ⁶⁾; кандидата же между нами нѣтъ ни одного.

1) Профессоры: Гауслейтеръ, Квача, Зебергъ, Диттинъ, Буликовичъ, Пѣтуховъ, Крашенинниковъ, Срезневскій, Тамманъ.

2) Профессоры: Кармшевъ, Филиповъ, Пусторослевъ, Гуляевъ (всѣ четверо стали вскорѣ заимъ докторами правъ); Царевскій, Дьяконовъ, Пасока, Красножель, Миклашевскій, Шмурло, Озе, Ясинскій, Шнякскій, Левинсонъ-Лессингъ, Левицкій, Садовскій, Кузнецовъ, Алексѣевъ, Берви, Андрусовъ.

3) Керстенъ, Держинскій, Мальбертъ, Лахтинъ, кн. Голицынъ, Кассо, Зачинскій, Невзоровъ, Печавъ, Кривцовъ, Богушевскій.

4) Квача, Зебергъ; Филиповъ, Пусторослевъ; Буликовичъ, Пѣтуховъ, Крашенинниковъ; Срезневскій, Тамманъ; Исаатовскій, Чижъ, Васильевъ, Губаревъ, Афанасьевъ, Курчянский, Дружининъ, Чермакъ, Хлопинъ, Чираинскій.

5) Царевскій, Керстенъ; Дьяконовъ, Пасока, Красножель, Миклашевскій; Шмурло, Мальбертъ, Озе, Ясинскій, Шнякскій; Левинсонъ-Лессингъ, Левицкій, Садовскій, Кузнецовъ, Алексѣевъ, Берви, Андрусовъ; Ковдаковъ.

6) Зачинскій, Печавъ, Невзоровъ, Кривцовъ, Богушевскій.

Изъ этого одного видно, какъ не вѣрны тѣ цифровыя данныя или приемы, которыми пользовался г. фонъ Эттингенъ при составленіи своего „Отвѣта“.

Кромѣ того, я позволю напомнить ему, что и въ прежнее время, когда выборы преподавателей зависѣли отъ совѣта, оказывались иной разъ недочеты по части ученыхъ степеней, какъ это видно, напр., въ дѣлахъ совѣта о профессорахъ И. Энгельманъ, К. Эрлманъ, К. Генъ, П. Висковатовъ, А. Котляревскомъ и нѣкоторыхъ др. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что обиліе докторовъ, особенно филозофіи, въ прежнемъ „дѣрпскомъ“ университетѣ объясняется легкостью получения этой ученой степени въ Германіи, гдѣ она при отсутствіи степеней кандидата и магистра является собственно первой ученой степенью, а не третьей, какъ въ Россіи. Подъ влияніемъ нѣмецкихъ образцовъ установилась было и въ „дѣрпскомъ“ университетѣ гораздо болѣе легкая процедура при полученіи высшихъ ученыхъ степеней, чѣмъ въ прочихъ университетахъ Имперіи. Этимъ и вызвано было Высочайшее повелѣніе отъ 25 октября 1893 г., воспретившее присуждать докторскую степень на медицинскомъ факультетѣ лицамъ, не имѣвшимъ еще званія дѣяря. Г. фонъ Эттингенъ продолжаетъ, конечно, и послѣ этого указывать „образцовыми“ прежніе „порядки“, при которыхъ-де „люди способные и личные, напрягая всѣ силы, однимъ исцѣт-

вакантныя кзедры, то оказывается, что таковыя набирались главнымъ образомъ изъ ученыхъ начинающихъ, т. е. доцентовъ, приватъ-доцентовъ, лаборантовъ, ассистентовъ, рѣже изъ профессоровъ экстраординарныхъ и еще рѣже изъ ординарныхъ. Такъ, напр., изъ 93 лицъ, избранныхъ со-вѣтомъ въ теченіе 1855—89 гг. въ профессоры (по Praesentationsbuch'u совѣта), только 5 кандидатовъ состояли уже ранѣе ординарными профессорами, 14—экстраординарными (что въ Германіи приблизительно соответствуетъ нашимъ доцентамъ), остальные же были до того доцентами, приватъ-доцентами, лаборантами, ассистентами, учителями гимназій, библиотекарями, практическими врачами и т. п. Бывали даже случаи, что совѣтъ при выборѣ кандидатовъ болѣе заслуженнымъ, когда напр., онъ избралъ въ 1866 г. на кафедру физики приватъ-доцента Артура фонъ Эттингена, а не базельскаго ординарнаго профессора Г. Вильда, известнаго потомъ нашего академика и директора главной физической обсерваторіи въ С.-Петербургѣ. Г. фонъ Эттингенъ не имѣетъ, слѣдовательно, права тронизовать „подъемъ научнаго уровня юрьевскаго университета“, т. е. дѣлать заключеніе объ упадкѣ послѣдняго изъ того только обстоятельства, что и въ послѣдніе 7 лѣтъ въ число здѣшнихъ профессоровъ назначаемы были главнымъ образомъ ученые молодые, только выступа-

нѣмъ могли достигнуть высшей степеней", забывая, что по ст. 460 уст. вѣчебн., которымъ только и могъ въ данномъ случаѣ руководствоваться медицинскій факультетъ, отъ испытываемыхъ на доктора медицины требованій гораздо больше, чѣмъ "способности и приличіе", а именно — "безспорная ученость", которая между тѣмъ не выносятся уже со студенческой скамьи. Притомъ, въ какомъ соотвѣствіи находилось обиліе выпускавшихся изъ "дерптскаго" университета докторантовъ медицины (въ 1889/90 ихъ было 81; въ 1890/1 — 80; въ 1891/2 — 80; въ 1892/3 — 83 ч.) съ вышеприведеннымъ отзываетъ "дерптскаго" медицинскаго факультета отъ 21 декабря 1891 г. о громадныхъ недочетахъ въ поставовкѣ на немъ преподаванія, затруднявшихъ-де выполнение общеперскихъ плановъ преподаванія и программъ испытанія на званіе доктора медицины, а только лѣзья? Подобныя же послабленія позволительно предпологать въ прежніе годы и относительно испытаній на ученые степени въ прочіихъ факультетахъ, которые къ тому же были тогда раздѣлены не на 2—3 отдѣленія, какъ въ прочіихъ русскихъ университетахъ, а на цѣлыя десятиа такъихъ университетовъ, на историко-филологическомъ факультетѣ ихъ было 8, на физико-математическомъ же — 10), что, конечно, не могло не облегчать студентамъ условій какъ прохожденія курса на столь дробныхъ отдѣленіяхъ, такъ и испытаній на ученныя степени по онимъ. Вотъ почему и при

яще на ученое поприще, а не сходящія уже съ него. Вѣдь и въ нѣмецкое время "дерптскій" университетъ не занималъ особенно выдающаго мѣста между германскими университетами, оставаясь въ ихъ ряду однимъ изъ второстепенныхъ; въ родѣ университетовъ кенигсбергскаго, грейфенвальдскаго, ростокаго, кильскаго, которыхъ балтійско-приморскую цѣпь онъ замыкалъ на востокѣ и по культурнымъ задачамъ. Нельзя требовать, чтобы и въ Россіи этотъ провинціальный университетъ занялъ выдающееся положеніе, особенно теперь, когда его преобразование далеко еще не закончено и когда его бюджетъ¹⁾ на 115—130,000 рублей въ годъ уступаетъ бюджету университета въ св. Владимира²⁾, харьковскаго³⁾, казанскаго⁴⁾, которые между тѣмъ имѣютъ однимъ факультетомъ меньше и располагаютъ богатѣе специальными средствами.

А. Будловичъ

(Продолженіе булетъ)

¹⁾ По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значится 271,723 р. 85 к.
²⁾ По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значится 379,132 р. 25 к.
³⁾ По смѣтѣ штатныхъ средствъ на 1897 г. значится 380,223 р.

замѣщенія кафедръ "дерптскій" университетъ не могъ испытывать особенныхъ затрудненій въ присканіи докторовъ — то заграничныхъ, то своихъ собственныхъ, "дерптскихъ". Все-таки, если разсмотрѣть формуляры лицъ, изъ которыхъ въ тѣ годы избираемы были совѣтомъ кандидаты на

Гене. Вѣстникъ. 1898, 26 1792

Юрьевскій университетъ.

(Нѣсколько документальныхъ справокъ по со-
держанію „Ответа бывшаго ректора дерпт-
скаго университета ректору юрьевскаго уни-
верситета“).

(Продолженіе, см. № 93).

Что касается числа слушателей, на уменьшеніе котораго г. ф. Этингенъ ссы-
лается, какъ на доказательство пониженія
„научнаго уровня“ здѣшняго университета,
то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что
число учениковъ далеко не всегда можетъ
служить надежнымъ критеріемъ при опре-
дленіи научнаго уровня заведенія. Какъ
часто мы видимъ, что переполняются уче-
никами гимназіи, пансіоны и т. д. посред-
ственныя, основанные на попустительствѣ и
именуемые въ общезвѣстнѣ роллъ азілопупп,
особенно если эти школы даютъ достаточныя
права, тогда какъ, наоборотъ, школы пра-
вильно поставленныя, болѣе внимательныя
и требовательныя къ своимъ ученикамъ,
привлекаютъ къ себѣ лишь не многихъ,
болѣе серьезныхъ родителей и школьниковъ!
Въ отношеніи же къ университетамъ дѣй-
ствуютъ еще другія побужденія, между

тысяча впервые была достигнута въ 1879 г.
и лишь въ 80-ые годы цифра эта, быстро
повышаясь, особенно со времени изданія
общаго устава 1884 г., поднялась къ
1 сентября 1890 г. до 1812. Конечно,
такое переполненіе малаго и тѣснаго по-
аудиторіямъ, кабинетамъ, клиникамъ про-
винціальнаго университета вызвано было
совершенно исключительными условіями, а
именно: усиленными выпусками абитуриен-
товъ мѣстными нѣмецкими гимназіями,
наканунѣ ихъ реформы (къ 1 января
1891 г. изъ 1694 слушателей „дерптскаго“
университета 1241 были абитуриенты гимна-
зій здѣшняго округа), накопленіемъ не ма-
лаго числа евреевъ (333 къ тому же вре-
мени), особенно же наплывомъ отовсюду
слушателей медицины (863 студента мед.
къ тому же сроку), заманиваемыхъ перспе-
тивную легкаго полученія докторскихъ диссо-
ртвъ, и т. п.

Если бы отмѣченная г. ф. Этингеномъ
убыль числа слушателей въ юрьев-
скомъ университетѣ (на 36% съ 1890
по 1895 г.) дѣйствительно объясня-
лась упадкомъ его со времени „введе-
нія преподаванія на русскомъ язы-
къ“ (что, впрочемъ, доннынъ далеко еще

прочимъ характеръ города, его величина, удобства жизни и развлеченій, легкость за-работковъ, количество стипендій и пособій и т. п. Потому то и въ Германіи число университетскихъ слушателей не всегда на-ходится въ прямомъ соотношеніи съ „научнымъ уровнемъ“ университета: въ противномъ случаѣ пришлось бы утверждать, что уровень этотъ въ Берлинѣ при его 8,318 студентахъ (лѣтомъ 1896 г.) въ 8,3 разъ, въ Вѣнѣ въ 5,7 разъ, въ Мюнхенѣ въ 3,8 разъ, въ Лейпцигѣ въ 3 раза, въ Бреславлѣ же, Вюрцбургѣ, Галле и Грацѣ въ 1,4 раза — выше, чѣмъ въ Страсбургѣ, съ его 971 студентомъ (за то же время), тогда какъ всѣмъ извѣстно, что по постановкѣ преподаванія и учебно- вспомо-гательныхъ учрежденій страсбургскій уни-верситетъ является нынѣ однимъ изъ са-мыхъ выдающихся въ Германіи. Да и „Дерптскій“ университетъ, какъ показано въ моей „Исторической запискѣ“ (на стр. 26), въ самое блестящее свое время, совпа-дающее съ профессорскимъ институтомъ (1828—38 гг.), насчитывалъ всего по 500—600 студентовъ; въ 60—70-ые годы число ихъ колебалось между 600—900:

не завершилось, кромѣ юридическаго фа-культета), то было бы непонятно, почему эта убыль на столько же почти процен-товъ (именно на 35%) коснулась и бото-ловскаго факультета, на которомъ въ 1890 году было 284 студента, а въ 1896 году только 185, хотя онъ донынѣ остается на старомъ положеніи, при нѣмецкомъ преподаваніи? Очевидно, кромѣ реформы университета эта убыль обусловлена была и многими другими, внѣ его лежащими причинами, напримѣръ, образовавшимися избыткомъ кандидатовъ въ пасторы, при огромныхъ вылукахъ таковыхъ въ преж-ніе годы; преобразованиемъ судебныхъ и административныхъ учреждений края, опре-дѣленіе на службу въ которыхъ зависитъ нынѣ отъ правительства, а не отъ мѣстна-го дворянства; реформами прибалтійскихъ среднихъ школъ, въ которыхъ русскіе учи-теля предпочитаются уже нѣмецкимъ; и, наконецъ, отмѣною прежнихъ льготъ юрь-евскаго студенчества по прохожденію кур-са и полученію дипломовъ, особенно на доктора медицины. Не малымъ, конечно, тормазомъ является въ этомъ отношеніи и двуязычье преподаванія на факультетахъ

историко-филологическомъ, физико-математическомъ и медицинскомъ, особенно для русскихъ и польскихъ студентовъ, не достаточно владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ. Этимъ главнѣйше и объясняется отъѣздъ г. ф. Эттингенъ фактъ нѣкоторой убыли числа студентовъ „русскаго и польскаго происхожденія“. При этомъ слѣдуетъ, однако, оговориться, что въ отношеніи суда подсчетъ г. фонъ Эттингена есть существенная неточность: для 1891 и 92 г. онъ взялъ всю наличность слушателей, со включеніемъ фармацевтовъ, вслѣдствіе чего получились цифры 674 и 653, тогда какъ для слѣдующихъ лѣтъ онъ взялъ однихъ студентовъ, безъ фармацевтовъ. Еслибы онъ включилъ въ эти цифры и послѣднихъ, то результаты были бы нѣсколько иной, а именно: для 1893 г. не 555, а 664; для 1894 г. не 530, а 715; для 1895 г. не 474, а 640. Для 1896 г. цифра эта составляетъ 635, слѣдовательно, почти равна цифрамъ для 1892—93 гг., такъ что убыль тутъ мало замѣтна, особенно при сопоставленіи съ общими числами слушателей.

Что касается числа евреевъ, то по отчетамъ университета за послѣдніе годы имѣ-

женіи его организаціи съ таковою прочихъ русскихъ университетовъ. Позволю себѣ только замѣтить, что если дипломы здѣшняго университета должны имѣть силу не въ Германіи, а въ Россіи, то вполнѣ естественно, что и тѣ научныя требованія, которыми обусловлено ихъ получение и которыми загѣмъ опредѣляются — безъ особыхъ государственныхъ испытаній—образовательный цензъ и права по государственной службѣ обладателей такихъ дипломовъ, должны быть согласованы съ требованіями прочихъ русскихъ университетовъ. Рѣшеніе же труднаго теоретическаго вопроса о преимуществѣхъ того или другого типа университетской организаціи не можетъ быть предметомъ бѣглой газетной замѣтки. Можно только утверждать, что если существуютъ уже нѣмецкій, французскій, англійскій, американскій (въ Соединенныхъ Штатахъ) типы такой организаціи, то можетъ существовать и русскій, съ судьбами котораго по необходимости будетъ связано дальнѣйшее развитіе и юрвевскаго университета, послѣ окончательнаго отторженія его отъ типа спеціально-нѣмецкаго.

Что касается, наконецъ, студенческихъ корпорацій, то г. ф. Эттингенъ слишкомъ

ссыла для еврейскихъ студентовъ слѣдующія цифры: къ первому январю:

1889 г. ихъ было	15,3 проц.
1890 "	18,4 "
1891 "	19,7 "
1892 "	21,2 "
1893 "	20,9 "
1894 "	25 "
1895 "	24,9 "
1896 "	23,8 "

Къ 1-му же октября 1896 года ихъ числилось 20%, т. е. почти столько-же, какъ въ 1890—91 гг., при началѣ реформы. Относительно измѣненія "строи студенческой жизни", характера учебныхъ занятий; "свободнаго" прежде "выбора предметовъ занятій", смѣнявшася-де нынѣ "принудительнымъ посѣщеніемъ лекцій, строго распределенныхъ по курсамъ, на подобіе школьныхъ классовъ", "шаблонно-школьнаго характера экзаменовъ" и т. д., то я не считаю нужнымъ на этомъ останавливаться, такъ какъ этого рода измѣненія обусловлены—какъ выше уже упомянуто—не тѣми или другими "стремленіями ректора юрьевского университета", а правительственнымъ распоряженіемъ о сбли-

ужь преувеличиваеаь ихъ значене, идеализуя и роль ихъ въ средѣ здѣшняго студенчества. Вѣдь и въ прежнее время не все здѣшнее студенчество входило въ корпоративную организацію, а только болѣе богатая и аристократическая, такъ сказать, часть его, которая, напр., во 2-мъ семестрѣ 1892 г. составляла всего 400 студентовъ изъ 1670, т. е. едва 25% общаго ихъ числа. Остальные $\frac{3}{4}$ студентовъ либо входили въ другого рода организацію, о которой г. ф. Эттингенъ умалчиваетъ, именно въ сообществе научныя или фрейшны, либо оставались "дикими" (wild). Отношенія между корпорантами и некорпорантами уже и тогда были довольно натянутыя, главнымъ образомъ въслѣдствіе притязательности первыхъ и нежеланія послѣднихъ подчиняться "вліянію корпораций", которое представляется столь желаннымъ г. ф. Эттингену. Во всякомъ случаѣ, не на "равенствѣ" всѣхъ дѣтей одной и той же Alma mater основано было это дѣленіе ихъ на корпорантовъ и некорпорантовъ, дворянъ и бюргеровъ, "зажиточныхъ" и "незажиточныхъ", "вѣтцевъ" и "не вѣтцевъ", "ливонцевъ" и "куронцевъ", "эс-

тонцевъ" и "леттонцевъ" и т. д.; не въ этомъ дробленіи можетъ выражаться и то "органическое единеніе студенчества", о которомъ говоритъ г. ф. Эттингенъ. Наоборотъ, оно скорѣе подрывалось такимъ дробленіемъ, которое и въ германскихъ университетахъ уже одними названіями корпорацій (напр., въ берлинскомъ университетахъ: Marchia, Guestphalia, Vandalia, Frangonia, Neveilia, Palatia, Nortmania, Alamania, Borussia, Palaio-Silesia, Alsacia, Ghibelinia, Cheruscia и т. п.) указываетъ на старинную областную рознь нѣмцевъ, лишь понеминому уступающую чувству студентческаго "равенства" съ одной стороны, а государственнаго и племенного "единенія" — съ другой. Къ тому же г. ф. Эттингену должно быть хорошо извѣстно, что всѣ тѣ шесть корпорацій, какія здѣсь оказались при началѣ реформы, а равно и цѣлая дюжина другихъ студенческихъ обществъ, образованныхъ по группамъ то научнымъ (напр., общества богослововъ, филологовъ, историковъ, натуралистовъ), то племеннымъ (общества русскихъ студентовъ, эстонцевъ, евреевъ и нѣкоторыхъ друг.), благополучно существуютъ до настоящаго времени, почему и не имѣется никакого основанія го-

Юрьевскій университетъ.

(Нѣсколько документальныхъ справокъ по со-
держанію „Отвѣта бывшаго ректора дерпт-
скаго университета ректору юрьевского уни-
верситета“).

(Окончаніе, см. № 94).

„Непригляднымъ“ можетъ представлять-
ся это настоящее лишь для людей, которые
вбили себѣ въ голову, вопреки всѣмъ оче-
видностямъ и исторіи, и статистики, что
Прибалтійскія губерніи — край не русскій,
даже не эстонско-латышскій, а нѣмецкій;
что юрьевскій университетъ — хотя осно-
ванный русскими Государемъ и содержи-
мый на средства русскихъ плательщиковъ —
имѣеть не только право, но и обязанность
служить въ немъ на вѣки-вѣчные орудіемъ
германизаціи, подобно, какъ это дѣлаетъ
университетъ кенигсбергскій въ литовско-
польскомъ приморьѣ, бреславскій — въ поль-

ворить о „превращеніи университетской молодежи въ безсвязную, хаотическую массу, легко поддающуюся подпольнымъ влияніямъ“, или утверждать, будто, „веселая, беззаботная жизнь дерптскихъ студентовъ и шумная, но невинная увеселенія ихъ смѣнились глубокою тишиною“. Конечно, прежняя „майскія ночи“ на Домской горѣ, уличныя процессіи и факельныя студентовъ прекратились; ихъ безшабашныя кутежи, сопровождавшіеся нерѣдко драками и даже дуэлями, — понемногу отходятъ въ область преданій; но могутъ ли подобныя „увеселенія“ считаться „невинными“ и слѣдуетъ ли отсюда, что ихъ прекращеніе, вызванное не въ малой мѣрѣ и открытѣмъ съ 1889 г. въ этомъ городѣ мировыхъ судовъ, является доказательствомъ „непригляднаго настоящаго и мрачнаго будущаго“ этого университета?

А. Будилевичъ

(Окончаніе будетъ).

свой Силезіи, страсбургскій же въ Эльзасѣ и Лотарингіи; что въ случаѣ отреченія отъ этой своей мисси, якобы возложенной на него русскими же Государями, чуть-ли не по завѣтамъ самого Петра Великаго, университетъ этотъ потеряетъ всякое право на существованіе и можетъ вызывать — въ глазахъ балтійскихъ патріотовъ — лишь самыя „мрачныя“ предчувствія. Между тѣмъ, еслибы г. фонъ Эттингенъ могъ хоть нѣсколько отрѣшиться отъ этихъ нѣмецко-патріотическихъ мечтаній, претензій и предразсудковъ и еслибы онъ, какъ членъ всего научныя задачи и цѣли этого учрежденія, то навѣрное — при нѣкоторой объективности мышленія и искренности выраженія — онъ пришелъ-бы къ совершенно другимъ выводамъ о его „настоящемъ“ и „будущемъ“. Тогда и онъ призналъ-бы, вѣроятно, что необходимость реформы этого университета обусловлена была не только соображеніями „государственной пользы“, но и чисто научными потребностями и побужденіями. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдился-бы, что съ начала реформы — уже не мало въ немъ сдѣлано

Рис. Вѣстк. № 94, 28 IV 97.

для подъема научнаго дѣла: открыть цѣ-
лый рядъ (именно 12) новыхъ кафедръ,
профессуръ, доцентуръ и до 14 новыхъ
ассистентскихъ должностей; возникло нѣ-
сколько новыхъ институтовъ (гигиенискій,
магнитный); значительно улучшена обста-
новка астрономической обсерваторіи, бота-
ническаго сада и кабинета, институтовъ
метеорологическаго, фармацевтическаго, фи-
зіологическаго, судебно - медицинскаго; по-
полнены многіе важныя пробѣлы въ библи-
отекѣ; издана цѣлая серія „Ученыхъ за-
писокъ“, въ которыхъ напечатанъ рядъ
ученыхъ статей и нѣскольکو диссертаций;
наконецъ, удержано на довольно высокомъ
уровнѣ, по сравненію съ прочими нашими
и нѣмецкими провинціальными университе-
тами, число слушателей, которыхъ къ 1-му
октября 1896 г. насчитывалось 1225, т. е.
болѣе, чѣмъ было лѣтомъ 1896 г. въ уни-
верситетахъ кенигсбергскомъ (721), іен-
скомъ (812), грейфсвальдскомъ (964),
страсбургскомъ (971), геттингенскомъ
(1099), тубингенскомъ (1190), эрланген-

вѣ неудобства переходнаго положенія,
когда старое рушится, а новое едва воз-
никаетъ надъ развалинами старины; что,
наконецъ, вся эта реформа производится на
самыя скудныя средства, которыя не со-
ставляютъ и десятой доли того, что assi-
гнуано было германскимъ правительствомъ
при аналогичномъ преобразованіи стра-
бургскаго университета изъ заведенія
французскаго въ нѣмецкое: то нужно удив-
ляться не тому, что между новоназначенными
профессорами юрьевскаго университета не
всѣ имѣють степень доктора соответ-
ственной науки; не тому, что край-
не раздутае въ концѣ 80-хъ годовъ
число его студентовъ нѣскольکو посо-
кратилось; не тому, что изъ числа его
воспитанниковъ пока не вышло ни тай-
ныхъ советниковъ, ни академиковъ, ни
путешественниковъ, а тому, что находятся
люди, притомъ не изъ профановъ, которые
склонны предъявлять къ нему столь нео-
бычныя и несвоевременныя требованія!
Но еще удивительнѣе, что г. ф. Эггин-

скомъ (1180) и многихъ другихъ извѣстныхъ университетовъ германскихъ и всѣхъ безъ исключенія швейцарскихъ (напр., въ Женевѣ 832, въ Цюрихѣ 747, Бернѣ 644, Базелѣ 510 и т. д.). Что же касается уровня новоназначенныхъ русскихъ преподавателей, то на этотъ счетъ достаточно сослаться, что въ теченіе столѣтій того времени уже съ полдюжины ихъ получили почетныя приглашенія на кафедры то академіи наукъ (кн. Голицынъ), то университетовъ московскаго (проф. Бубновъ), харьковскаго (проф. Кассо), св. Владиміра (проф. Гуляевъ), Петровской академіи (проф. Карышевъ) и нѣкотор. др. Если принять во вниманіе, что все это сдѣлано при сильномъ противодѣйствіи мѣстнаго нѣмецкаго общества и нѣмецкой — отчасти и русской — печати; что юрьевскому университету, въ интересахъ обліженія съ прочими русскими, пришлось въ это именно время отказать отъ многихъ льготъ прежняго своего положенія; что, онъ долженъ былъ переживать при этомъ

гень называется „наслѣственной“ и даже „разрушительною“ реформу, которая совершается по Высочайшему повелѣнію, съ соблюденіемъ всѣхъ легальныхъ формъ, притомъ съ такой постепенностью и даже медлительностью въ осуществленіи, которая, напимѣръ, вовсе не допущена была при преобразованіи въ Германіи страсбургскаго университета, а въ Россіи — варшавскаго. Въ страсбургскомъ университетѣ французскій языкъ и офрануженный учебный персоналъ сразу былъ замѣненъ нѣмецкимъ (за исключеніемъ католическо-богословскаго факультета) по преобразованіи его въ 1872 г.; въ варшавскомъ была разрѣшена отсрочка всего на два года для перехода прежнихъ профессоровъ отъ польскаго языка къ русскому въ преподаваніи. Въ Юрьевѣ же и теперь еще, черезъ 7 лѣтъ отъ начала реформы, цѣлая группа преподавателей, а именно 8 на богословскомъ факультетѣ, 4 на медицинскомъ, 4 на историко-филологическомъ и 3 на физико-математическомъ, т. е. въ совокупности

¹/₃ общаго ихъ числа, читаютъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Что же касается личнаго состава преподавателей, то обновленіе его совершается здѣсь съ такою постепенностью, что и донынѣ въ немъ остаются 24 преподавателя (въ томъ числѣ 18 профессоровъ) изъ числа избранныхъ совѣтомъ до изданія указа 20 ноября 1889 г. Изъ остальныхъ часть ихъ вышла за смертью¹⁾, часть за выслугою установленныхъ сроковъ на пенсію²⁾, часть по собственному желанію, за перемѣщеніемъ на болѣе подходящія или выгодныя должности въ Россіи или за границею³⁾. Г. фонъ Эттингенъ, повидимому, счтаетъ нѣкоторыя изъ такихъ оставокъ или увольненій недостаточными по основнымъ, именно упрекаетъ за устраненіе съ кафедръ химіи проф. К. Шмидта, произведенное-де „лишь съ цѣлью замѣщенія его кафедръ лицомъ, могущимъ преподавать на русскомъ языкѣ“. Мы всѣ, прибавляетъ онъ патетически, еще помнимъ, какъ бодрый старикъ, „свѣдой юноша“, былъ пораженъ своею отставкой и

условіяхъ упрекъ г. фонъ Эттингена представляется мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что въ дѣлахъ совѣта имѣется его собственноручный Serapatotum отъ 27 апрѣля 1876 г., въ которомъ онъ высказываетъ именно противъ оставленія профессоровъ на службѣ in infinitum и предлагаетъ назначить 35 лѣтъ крайнимъ срокомъ профессорской службы, въ интересахъ, какъ младшихъ ученыхъ, такъ и университета!...

Вотъ въ какой формѣ выражается та „русификація“ личнаго состава университета, которую г. ф. Эттингенъ называетъ „насильственною!“ Еще неумѣстнѣе въ данномъ случаѣ употребленіе имъ по отношению къ университетской реформѣ выраженіе: „разрушительныя мѣропріятія“. Такіе эпитеты примѣняются обыкновенно къ дѣятельности противогосударственныхъ обществъ (напр. нигилистовъ, террористовъ, анархистовъ), а не правительственныхъ лицъ или учреждений, исполняющихъ законныя распоряженія законной власти. По существу же результатъ „раз-

глубоко огорченъ тѣмъ, что долженъ былъ оставить свою катедру и любимую, созданную имъ лабораторію, въ которой провёлъ большую часть своей жизни, и какъ это огорченіе подточило его жизненные силы". Хотя отставка эта состоялась 4 июля 1892 года, до моего прибытія въ Юрьевъ, тѣмъ не менѣе я не могу не указать по поводу этой напраслины, что К. Шмидтъ былъ уволенъ по выслугѣ въ здѣшнемъ университетѣ 45 л. въ должности преподавателя, на 70-мъ году жизни, слѣдовательно, въ такомъ возрастѣ, который, напримѣръ, въ австрійскихъ университетахъ считается крайнимъ срокомъ профессорской службы, причёмъ катедра К. Шмидта досталась его же ученику, д-ру Тамману. При такихъ

1) А. Шмидтъ, Е. Валь, Л. Шварцъ, В. Гершельманъ, Л. Мендельсонъ.

2) Брайнеръ, О. Шмидтъ, К. Шмидтъ, Ал. и Ар. Эттингенъ, В. Мазянгъ, Драгендорфъ, К. Эрлманъ, П. Висковатовъ, Боуэнъ-де-Куртене.

3) Крюгеръ, Л. Струве, Шуръ, Вольветъ, Мюлау, Роландъ, Вербожъ, Шредеръ, Крепенляхъ, Унферрихтъ, Квастнеръ, Штадельманъ, Гома, Кобертъ.

Юрьевъ, 31 марта 1897 г.
Сенс. Мюнх. № 95, 29 IV 97.

рушительныхъ" — для нѣмчины, а не для Россіи и не для науки — мнроприятій Императора Александра III и Его сотрудниковъ въ дѣлѣ преобразования здѣшняго университета достаточно выясненъ въ предыдущемъ, почему я не стану болѣе на этомъ останавливаться.

Что же касается той "разраженной и униженной жертвы", которая, по словамъ г. ф. Эттингена, томится въ Прибалтійскомъ краѣ подъ гнетомъ "господствующаго народа", то изъ "Окраинъ Россіи" хорошо извѣстно, кто заслуживаетъ въ немъ название жертвы, а кто — тирана! И этого общеизвѣстнаго факта не опровергнуть никакіе "крики отчаянія" прибалтійскихъ нѣмцевъ, издаваемые отъ времени до времени по рецепту пресловутаго "Livländische Antwort" г. Ширрена. Къ такимъ именно "крикамъ" я не могу не отнести "Отвѣта" на мою "Записку" о бюджетныхъ отношеніяхъ юрьевского университета.

А. Будиловичъ.

В. А. Будиловичъ тотчасъ посылаетъ въ архивъ рукопись въ "Сенс. Мюнх.", где находится статья Т. Франкманна, но "Сенс. Мюнх." поставляетъ условіемъ своего выдава бум. не представляла статьи Т. Франкманна. —
Публикуетъ также въ Рев. отд. Франкманн, но в. рукопись въ архиву не поступаетъ.

L. C. Foygurovich.

Испытания и переписки.

(Истор. Библиотек.)

ESTICA

A 2577

ESTICA
A. 2577.